

Лев АННИНСКИЙ

ЛЕНКОМ В ТРИ КАСАНИЯ

Уникальный театр.

Уникальная судьба.

Уникальная ситуация. Великий режиссер.

И все-таки насчет трех касаний я должен объяснить. Как это так: за полтора десятка лет прилежного посещения театров и не менее прилежного ведения зрительского дневника – с публикацией впечатлений в прессе – из пятисот с лишним моих этюдов только три посвящены Ленкому, одному из ярчайших театров страны, остающемуся в центре событий все эти полтора десятка лет. Не говоря уже о полной его родословной, которой я не свидетель.

Не звали? Да. Не звали – не ходил, не видел, не писал. Но в том, почему не звали, улавливается (со стороны театра) догадка о некоторой отчужденности (с моей стороны), имевшей под собой некоторую почву.

Толи доносились оттуда, толи чудились мне звуки перестройки, или «переломки», которые обескураживали. Конечно, чешотка переименований после аннулирования Советской власти чувствовалась повсюду: переименовывались города и регионы, не то, что какие-то там официальные наклейки, из которых вымарывалось все «советское», «социалистическое» и «большевистское». На мой взгляд, это было унижительно, но, наверное, неизбежно, и далеко не во всех случаях так уж ликующе демонстративно. Ни «Современник», ни «Малый», ни «Художественный» не содержали в своих названиях таких заклеиваемых слов, как «Советская культура» или «Московский комсомолец», каковые если не исчезали, то прятались в малый шрифт и в сокращения. А уж «Ленинский комсомол» торчал так нескрываяемо, что запихать его в «Ленком» следовало или тихо, в надежде, что «стерпится – слюбится», или громко, в расчете на политический резонанс и соответствующую и рекламную выгоду.



Вот этого я и боялся. Тем более, что признаки такой скандальной демонстрации были. Например, публичное сожжение партбилета. Я-то твердо знаю, что никто никому не обязан давать отчет в том, почему он вступает в партию или покидает ее, тем более это фальшиво, когда делается на публику. Меня подобное представление покорило.

Я понимал, что «Ленком» на театр не с неба упал; тут и место обязывает, и имя – хочешь, не хочешь а надо от чужих следов отмываться. То есть переживать и озвучивать разницу между ситуацией, когда вождь зовет учиться и учиться, а так же ситуацией, когда он зовет уничтожать, чтобы другим не повадно было. Вот пусть это уясняют и объясняют историки. Или литераторы, одержимые солоухинской идеей. Но Захаров!.. Ярчайший независимый художник! Нет, при всем моем уважении к

нему, как к художнику, – мне казалось, что он просто попал ситуации в капкан.

Слишком многое вставало на кон в момент очередной всенародно объявленной «перестройки» душ. Разумеется, все это не помешало мне в 1997 году пойти в Ленком на «Игрока» Достоевского, когда меня «позвали».

И не пожалел. Впечатление было пронзительное. В самую точку ударил вопрос: сможет ли Россия привыкнуть к власти денег? Феерический спектакль: ужас покрыт смехом. Я не о сценографии, я о деньгах.

Деньги как бесовское, дьявольское, западное наваждение – это чисто русский взгляд на «ихнюю» растленную реальность. А для «них» деньги – просто числовой эквивалент жизненных усилий. Нужна именно наша одержимость – так мистически относиться к деньгам. Поэтому, чтобы как-то вписаться в «их» жизнь, наш человек вынужден заявлять о себе «там», что он варвар и еретик (спектакль называется «Варвар и Еретик»).

Если при этом в кошельке действительно имеются деньги, да еще и огромные, – тогда можно сказать «им всем» в старобарском стиле времен матушки Екатерины:

– Ну, чего глаза-то повыкатили? Просвистались, поди? Молчите, дураки! Нешто в деньгах счастье?

Ну, а если в кошельке – ветер?

Тогда – классическая ситуация для «русского игрока»: он играет без денег.

И тогда у меня один вопрос: что же на кону? Пустой карман, или то, что ни в какой карман не вместить?

Десяток лет спустя ответы, вроде бы поменялись. Но вопросы остались. Чем жить? Как спасти душу? Как сохранить самоуважение?

Первым делом Марк Захаров выпускает на просцениум... семерых Гоголей. Это, собственно, оркестрик, сопровождающий спектакль. Но это и заявка на вольную интерпретацию классика. Гоголь в «Женитьбе» отталкивался от современной ему реальности. А мы в театре «Ленком» отталкиваемся как от реальности – от гоголевского текста. Семь раз оттолкнемся, и все по-разному.

На языке постмодернизма это называется игрой с цитатами. Реплики отскакивают от губ, уводя смысл в лихую непредсказуемость. Публика ложится от хохота.

Например. Все так скверно вокруг, что хочется дать под зад начальству. За неимением близкого начальства Подколесин дает под зад своему лакею Степану. Мы начинаем следить не за тем, женится или не женится, а за тем, что все это значит. На языке постмодернизма это называется гиперсмысл.

В гиперпространстве идут выборы идеального героя. Кабы нос одного (нос – символ



М. Захаров
на репетиции



харизмы, а если вы читали комментарии литературоведов к одноименной повести Гоголя, то это символ еще и мужской мощи) приставить к губам другого (надо думать, символ красноречия), да добавить дородности третьего (то есть финансовой состоятельности) то... «я бы тотчас решилась». Кто «я»? Агафья Тихоновна? Выше берите! Россия, сограждане! Это она перебирает кандидатов на роль национального лидера.

Кандидаты – все узнаваемые актеры, само появление которых публика встречает аплодисментами. Их трое. Вместе с главным претендентом – четверо. Интересно, как Гоголь догадался, что фракций в Думе будет четыре?

Чтобы мы не сомневались, о чем речь, нам подсказывают:

– До чего же смелый наш русский народ!

После чего носитель народной смелости в полном соответствии с гоголевским финалом сигает в окно, покидая таким образом место голосования.

Прочие кандидаты остаются ни с чем? Отнюдь. Им тоже сказано, что делать:

– Главное – схватить кураж!

Яркий спектакль. Злободневный. Даже жаль, думал я, что злободневность эта уйдет вместе с последней избирательной кампанией. Так я думал в 2007 году.

Впрочем, она, к счастью, оказалась не последняя.

Прошел еще один избирательный срок, и птички оперились. «Небесные странники» по Аристофану, 2013 год.

Герои грека Аристофана, плывущие по волнам древности, не ведают, куда их занесло и куда несет дальше. На вопрос: какого лешего они оставили Афины, следует ответ: там все плохо, ничего ни к чему не приладишь, остается только протестовать. Против чего конкретно? Не знаем, решим потом. А пока протестуем.

Кажется, это подслушано не древним греком две с половиной тысячи лет назад, а сегодня на митинге нашего московского Болота.

Обратившись в птиц, «Небесные странники» (как и надлежит им по названию

спектакля), долетают до наших осин, передеваются из перьев в пиджаки и задают каверзные вопросы, на которые у нас нет ответов, кроме самоубийственных шуточек. Феерия мешается со злободневностью, сценические ауры чередуются (может быть, поэтому в постановке Марку Захарову сопутствует Сергей Грицай). Александре Захаровой есть что играть в точках пересечения разумного великодушия и дурной невменяемости, хотя ответы подсказывают вполне вменяемые классики. Немножко – Горький, с его припевом: «реет буревестник... грянет буря...». Но в основном – Чехов. По принципу: «она думает, что она птица, а она всего лишь попрыгунья».

А Дымов?! В роли Дымова – невозмутимо великодушный Александр Балувев. Точка отсчета всех прыжков, кувырков и полетов.

Автор «Попрыгуньи», «Хористки» и «Черного монаха» здесь – не загадочно-осведомленный тайновидец, как мы привыкли, а загадочно-осведомленный попуститель человеческих слабостей, дразнящий ими нас и себя. От притягательных страхов до бесстрашных галлюцинаций. При неожиданных взлетах фантазии.

Раз фантазия разрешена, то и я, простите, даю волю воображению. А что, если всемогущий птичий вождь учредит для своих подданных общий билет в светлое будущее, а потом на глазах у всех этот билет театрально сожжет, – что все остальные сделают? Выпадут из дружного протеста в дружный восторг?

А Дымов?

Ах, да, Дымов. Так ведь дыма без огня не бывает.

Спасительная самоирония! Знаковое состояние героев театра «Ленком».

Простите нас, Писфетер и Эвельпид. Можете возвращаться в свои Афины. Вдруг протестующим грекам уже простились долги?

Простите и вы меня, Марк Анатольевич, за мои придирки. Я ваш верный зритель. Иногда воспринимающий касания как ожоги.